

ОКОНЧАНИЕ ЭЛЕГИИ «НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ ПОТУХ».

В изданиях 1826 и 1829 г.г. Пушкин печатал под 1823 годом известную элегию «Ненастный день потух» в таком виде и с такими красноречивыми многоточиями — недоговоренностью, художественным умолчанием:

Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣнїе, за рошею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводить.
Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...
Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами:
Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ печальна и одна...
Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цалуетъ;
Одна... ничьимъ устамъ она не передаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.
. . . . .
. . . . .
. . . . .
Никто ея любви небесной не достоинъ.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;
. . . . .
Но если . . . . .

Особенно-прекрасно выразительно это «Но если....»

Рукописей этой элегии не сохранилось, и мы не можем установить, было ли написано продолжение пьесы, откинутое поэтом при печатании ее, или же так законченно-незаконченно и было создано это художественно-недоговоренное произведение Пушкина? — Намеком, но только намеком для разрешения этого вопроса может служить оглавление издания 1826 года, в котором элегия названа «Отрывком». От этого намека однако далеко до утверждения, что Пушкин печатал только отрывок из написанной до конца элегии, хотя это предположение и имеет известную степень вероятности. Если бы мы допустили возможность существования в рукописи Пушкина продолжения пьесы, то перед нами возник бы новый вопрос — почему поэт не печатал окончания пьесы: потому ли, что в окончании заключались такие интимно-личные стихи, которые были неуместны, невозможны в печати, или потому, что это окончание не удовлетворяло художника — Пушкина, и обрывающееся на большой, эмоциональной музыкальной паузе «Но если....» казалось ему гораздо более выразительным и художественно-совершенным, чем выражения душевной боли подозрения и ревности, редко принимающие индивидуальные и лирические черты, требуемые характером самой элегии. Наше предположение (условное — если вообще окончание элегии существовало), что написанное окончание пьесы должно было уступать всей пьесе и особенно ее выразительному, взволнованному, художественно созданному и написанному многоточию после слов «Но если...» — всего на все предположение, и как бы оно ни казалось нам вероятным, ни для кого не обязательно.

Не разрешает этих вопросов, а только еще острее ставит их, и найденное нами окончание пьесы в экземпляре издания 1829 г., находившемся в библиотеке П. А. Ефремова, составляющей в настоящее время собственность Пушкинского Дома. В этом экземпляре мы читаем:

Но если праведно она ¹⁾ заклочотала,
 Но если не вотще ревнивая тоска
 И съ ввроломства покрывало
     Сняла дрожащая рука....
 Тогда прости любовь—съ глазъ сброшена повязка;
 Слѣпецъ прозрѣлъ, отвергши стыдъ и лесть,
 Взамѣнь любви, въ душѣ лелѣеть мечь
 И всточенный кинжалъ той повѣсти развязка. —

¹⁾ ревность

Мы бы не усомнились в принадлежности Пушкину этих стихов только по той причине, что они уступают предыдущим стихам в художественном совершенстве и художественной выразительности: не говоря уже о субъективности такого критерия, как «лучше» или «хуже», мы и вправе ожидать менее совершенного окончания, ибо оно было откинуто Пушкиным (если существовало), и поэт не стал бы исключать стихов без всяких оснований и не заботясь о художественной дельности и совершенстве пьесы. Невозможного в том, что эти восемь стихов, расшифровывающие многоточия после слов «Но если...», принадлежат Пушкину — нет: фактура стиха и музыкально-синтаксический строй его не исключают этой возможности, не делают немислимым и невероятным предположение о том, что редакция этих стихов восходит к Пушкину, хотя, быть может, и была испорчена по пути.

Сомнения наши начинаются с другого момента и по другим основаниям: мы сомневаемся в авторитетности происхождения этой записи восьми стихов, неизвестных ни в каких списках элегии, и наше сомнение усиливается вследствие факта умолчания об этом окончании пьесы самим П. А. Ефремовым, в экземпляре которого оно находится. Повидимому, и Ефремов не знал источника происхождения этих стихов или, если знал, не доверял его авторитетности. При таких условиях не только спорно, рискованно, но и неосновательно приписывать Пушкину стихи, которые ему может быть принадлежат, а может быть и не принадлежат, и которые — может быть ложно — приносят новый оттенок и разъясняют природу умолчания Пушкинского «Но если.....».

При таких оговорках нам кажется не безынтересным и не беспредельным опубликование восьми стихов окончания элегии «Ненастный день потух», так как при наличии других данных и материалов, которые еще могут быть найдены, оно может способствовать разрешению многих вопросов, связанных с элегией Пушкина, и прольет свет на историю ее создания.

Только так и можно подходить к этому заключительному восьмистишию — только с точки зрения истории создания элегии, и ни при каких условиях нельзя ставить вопроса об изменении основного текста пьесы Пушкина. Основной, канонический текст элегии установлен Пушкиным и совершенно незыблем. Даже факт нахождения

окончания в рукописи. Пушкина, даже совершенно неоспоримые свидетельства о принадлежности Пушкину этого окончания не меняют постановки вопроса: поэт исключил его и заменил многоточием, нашел более совершенную, более выразительную художественную форму окончания элегии, и возвращение к менее совершенной редакции ни с каких сторон недопустимо. Пушкин сравнительно редко прибегал к этому приему выразительной недоговоренности, но всегда этот прием применял исключительно удачно в композиционном отношении, но всегда многоточие Пушкина звучит полновеснее и выразительнее, чем самые выразительные и музыкальные стихи. Стихи «Теперь куда же меня ты вынес океан» etc. ¹⁾ в элегии «К морю» несомненно принадлежат Пушкину и находятся в его рукописях, но во сколько превосходит их печатная редакция строфы:

Міръ опустѣлъ . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Быть может той же природы и окончание элегии «Ненастный день потух», и в ней Пушкин употребил тот же и так же прием умолчания, как и в элегии «К морю». Ефремовский экземпляр издания 1829 года ставит этот вопрос—разрешение же его возможно будет тогда, когда будут найдены новые материалы, касающиеся условия создания элегии Пушкина.

М. Л. Гофман.

---

¹⁾ Здесь уместно будет привести окончание строфы так, как оно (в необычном виде) записано в том же Ефремовском экземпляре, издания 1829 года:

Міръ опустѣлъ! теперь куда же
 Меня бъ не вынесъ океанъ?
 Судьба земли повсюду та же,
 Гдѣ капля блага: тамъ на стражѣ
 Стоитъ неистовый тиранъ!

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
СЕМЕНА АФАНАСЬЕВИЧА
ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНИСТ IV

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. В. ЯКОВЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • ПЕТРОГРАД

1922